

УДК 82.09

DOI: 10.18413/2408-932X-2019-5-1-0-3

Фатеев В. А.

КАКОЙ РОМАН ТОЛСТОГО ЛУЧШЕ?
(Беглые заметки о критическом этюде К. Н. Леонтьева
«Анализ, стиль и веяние»)

Свободный исследователь, г. Санкт-Петербург, Россия; vfateyev@gmail.com

Аннотация. В данной статье, или эссе, рассматриваются особенности критического этюда К.Н. Леонтьева, посвященного сопоставительному разбору двух выдающихся романов Л.Н. Толстого – «Война и мир» и «Анна Каренина». По мнению автора, применяемый Леонтьевым метод анализа художественного текста носит субъективно-аксиологический, «оценочный» характер. Леонтьев отдает предпочтение «Анне Карениной», находя основной недостаток романа «Война и мир» в осовременивании и чрезмерном осложнении психологии действующих лиц произведения. Автор критического этюда находит также в романе-эпопее большее, чем в «Анне Карениной», количество натуралистических изъянов. В статье отмечается, что Леонтьев прослеживает во всем творчестве Толстого некий стилистический прогресс от «Войны и мира» к более совершенной «Анне Карениной» и затем к лаконизму художественно безупречных «народных» рассказов. Однако, как показано в данной статье на примере анализа «Войны и мира» Н.Н. Страховым, возможны и иные убедительные оценки эволюции творчества Толстого. Подчеркивается, что, несмотря на придание душевной жизни героев «Войны и мира» психологизма, присущего более поздним эпохам, Толстой сумел создать в романе убеждающую читателя иллюзию жизненной достоверности. Проводится также мысль, что Леонтьев, сосредоточившись на стилистических особенностях произведений, не принимает во внимание уже ощущаемую в романе «Анна Каренина» и всё более нарастающую в дальнейшем моралистическую тенденцию. Основное значение критического шедевра Леонтьева – в тонком психологическом и эстетическом анализе целого ряда не выявленных прежде нюансов великих произведений. Однако выводы Леонтьева относительно художественного превосходства одного из романов, при всей талантливости аргументов, носят, как считает автор, сугубо субъективный, «любительский» характер, что признает и сам писатель, заявляя в конце концов о художественной равноценности будто бы соперничающих произведений.

Ключевые слова: К.Н. Леонтьев; Л.Н. Толстой; «Война и мир»; «Анна Каренина»; анализ; стиль; эстетика жизни; субъективизм; А.А. Григорьев; Н.Н. Страхов; органическая критика; И.С. Тургенев; морализм; славянофильство; В.В. Розанов.

V. A. Fateyev

**WHICH NOVEL BY TOLSTOY IS BETTER?
(Impromptu Notes on Konstantin Leontiev's Critical Essay
Analysis, Style and Waft)**

Free researcher, St. Petersburg, Russia; vfateyev@gmail.com

Abstract. This article or essay deals with the specific features of Konstantin Leontiev's critical study devoted to a comparative investigation of two great novels by Leo Tolstoy, *War and Peace* and *Anna Karenina*. Leontiev gives preference to *Anna Karenina*, asserting that the main drawback of *War and Peace* is in modernizing and excessively complicating the psychology of the characters by the author. Leontiev also traces in the epic novel a larger number of excessive naturalistic details. It is stated that the writer observes a kind of stylistic progress throughout Tolstoy's creative career, from *War and Peace* to the more perfect *Anna Karenina* and then to the impeccable short stories for common people. However, as this article suggests, drawing on the example of Nikolay Strakhov's analysis of *War and Peace*, different convincing evaluations of the evolution of Tolstoy's creative path are also possible. It is emphasized that Tolstoy, while endowing his historical characters with contemporary psychological features, still succeeded in creating a convincing aesthetic illusion in his novel. An idea is also expressed that Leontiev, concentrating on the novels' stylistic elements, neglects the moralistic tendency already sensible in *Anna Karenina* and drastically growing in subsequent works. The main significance of Leontiev's critical masterpiece lies in his subtle psychological and aesthetic analysis of a whole number of previously unexplored nuances of the great works. His preferential choice of one of the novels, however, even if skillfully grounded, still appears purely subjective, based on personal feelings, which is eventually admitted by the writer himself declaring at the end that the rivalling works are equally outstanding.

Keywords: Konstantin Leontiev; Leo Tolstoy; "War and Peace"; "Anna Karenina"; analysis; style; aesthetics of life; subjectivism; Apollon Grigoryev; Nikolai Strakhov; Organic Criticism; Ivan Turgenev; moralism; Slavophilism; Vasily Rozanov.

Читавшим книгу В.В. Розанова «Литературные изгнанники» памятно, конечно, то неизгладимо яркое впечатление, какое произвел на Василия Васильевича, в то время учителя Елецкой гимназии, прочитанный им в 1890 году, в читальне городского сада, критический этюд «Анализ, стиль и веяние» о романах Льва Толстого совершенно неизвестного ему тогда автора Константина Леонтьева: «В те первые минуты *смелость и гордость* Л-ва больше всего меня поразили. Он имел силу сказать вещи, каких никто в лицо обществу и читателям не говаривал. <...> Леонтьев вообще действовал, как пощечина. "На это нельзя

не обратить внимания", – произносил всякий читатель, прижимая ладонь к горящей щеке» [6, с. 62].

И, надо сказать, даже и сегодня этот весьма редкий у Леонтьева, ныне уже признанного консервативного писателя и философа, опыт литературно-критического исследования способен произвести шокирующее впечатление на незнакомого с его творчеством и не слишком искушенного в литературной критике читателя.

Леонтьев поразили Розанова не только смелостью консервативных высказываний, но и единственной в своем роде свободой выражения оригинальных эстетических

мнений. Розанов писал потом Леонтьеву: «Решительно, прочтя страницы 2–3 “Анализа”, я уже ясно видел, что имею перед собой человека безмерной внутренней силы, тонкой, не ошибающейся пронизательности, и совершенно не стесняющегося ничьим присутствием» [6, с. 395].

Первое, что сразу бросается в глаза при чтении этого этюда: Леонтьев – критик действительно очень необычный. Удивляет уже само броское и в то же время загадочное в своей грамматической некорректности название, в котором в сочетании со словом «анализ» использованы, казалось бы, такие не согласованные с ним грамматически и не «рифмующиеся», как теперь говорят, понятия из совершенно других смысловых рядов, как «стиль и веяние». А если бы вместо «веяния» стояло какое-либо словечко из того же ряда, что и два первых, скажем, «прием», то так могла бы называться работа какого-нибудь формалиста 1920-х годов, например, Шкловского или Эйхенбаума. Необычно уже само сосредоточение писателя и публициста с историческим складом ума на вкусовых нюансах языка, стиля, формы, что более характерно для критики XX века. Однако даже если и допустить, что «этиюд» посвящен анализу *стиля* романов Толстого, то третья, изысканное в своей романтической неопределенности слово в названии, «веяние», выводит сочинение на более широкие просторы эстетических обобщений. Нет сомнения, что этот выразительный термин «навеяли» симпатии чуткого автора к Аполлону Григорьеву – одному из критиков, на которого он равняется.

Не менее оригинально Леонтьев начинает критический этюд: он вспоминает о своей же статье, напечатанной за год до этого: «Два графа: Алексей Вронский и Лев Толстой». Эти неоконченные размышления на тему, «почему нам Вронский гораздо нужнее и дороже самого Льва Толстого» [2, с. 240] носят, надо признать, еще более необычный, если не сказать парадоксальный характер.

Категоричный до парадоксальности главный тезис той статьи Леонтьев еще раз

формулирует в критическом этюде так: «В наше смутное время, и раздражительное, Вронские гораздо полезнее нам, чем великие романисты» [3, с. 306], т.е. попросту говоря, знатный, красивый и смелый воин лучше, полезнее писателя, даже гениального. В статье «Два графа» высказано много необычных и очень консервативных мыслей в духе «эстетики жизни», однако сам подход автора к литературе не может не вызвать иронического отношения и ассоциации, хотя бы и по контрасту, например, с нигилистической утилитарной критикой вроде афоризма «Сапоги полезнее Шекспира», приписываемого Писареву. Конечно, Леонтьев далек от столь примитивного утилитаризма, но он сознательно огрубляет свое парадоксальное суждение о большей важности патриотизма и «смелых, решительных и даже *физически* крепких» защитников Отечества типа Вронского, по сравнению с рефлектирующими Лёвиными, меняющими мнения чуть ли не каждый день. Однако несколько дамский оттенок подобной любви к военным хорошо подметил позже Бердяев в статье «О вечно-бабьем в русской душе», высмеяв Розанова с его произвольным восторгом при встрече полка храбрых кавалеристов на улице Петрограда. Перекликается это рассуждение Леонтьева еще и с расхожей, набившей в свое время оскомину темой неутомимого искания образа «положительного героя» в советской литературной критике.

Критический этюд является своего рода продолжением статьи о двух графах. Мне вряд ли удалось бы отойти от иронического тона в своих заметках, если бы и в данном этюде рассуждения Леонтьева шли в том же субъективном эстетски-аристократически-утилитарном русле. Но Леонтьев оставляет этот «житейский», как он выражается, подход и переходит к подлинной эстетике – т.е. анализу собственно романов. Центр анализа сосредоточивается на *достоверности* изображения Толстым в «Войне и мире» и «Анне Карениной» исторических лиц и его современников, а также

отражении «веяния эпохи», т.е. перемещаются все-таки в *литературную* плоскость.

Леонтьев и сам признал в более ранней статье, что рассуждение «о социальной ценности и лично психическом значении разных русских героев», изображенных в художественном произведении, опирается на не слишком твердую почву: «Трудно решить, который из этих романов художественно выше и который политически-полезнее. И тот, и другой так прекрасны...» [2, с. 309]. Именно эти затруднения по поводу соотнесения заслуг героев двенадцатого года побудили его оставить статью по «эстетике жизни» неоконченной и заняться «чисто эстетической задачей»: сравнением достоинств и недостатков двух лучших романов Льва Толстого. Правда, и здесь выбор темы ставит автора перед необходимостью опираться все-таки на сугубо *субъективные* оценки, так как в основании аксиологических критериев неизбежно лежат личностные интуитивные предпочтения.

Это могло испугать кого угодно, но только не Леонтьева, ибо самая характерная черта его творческого метода – декларативный субъективизм подхода к литературе: «...зная хорошо всю крайнюю субъективность моей оценки, я и не ищу тщательно скрывать моего “я” за будто бы общими взглядами» [3, с. 247]. Леонтьев признает, что подобный подход, который зиждется на «непобедимом» (его слово) избрании личного вкуса, весьма непривычен. Он осознает также, что его демонстративный отказ от общепринятых в объективистской критике, но *нескромных*, по его мнению, выражений «мы думаем» и «нам кажется», может послужить поводом к упрекам. Тем не менее Леонтьев, привычный к умственному одиночеству, готов сносить упреки «в любви к парадоксам» и в «бесплезной оригинальности».

Подобный субъективный подход опасен лишь для исследователя, который испытывает недостаток личностных качеств таланта, вкуса и воображения для такого рода дерзаний, а Леонтьев явно не принад-

лежит к их числу. Рискну разделить дерзкую леонтьевскую мысль, что в конечном счете всякий настоящий литературный критик, которому суждено сказать свое веское и оригинальное слово, опирается в оценке художественного сочинения на свои индивидуальные предпочтения. А в критическом этюде Леонтьев выражает этот постулат, например, так: «...эстетическая критика, подобно искреннему религиозному рассуждению, должна неизбежно исходить из живого личного чувства и стараться лишь оправдать и утвердить его логически...» [3, с. 244].

Сопоставление выдающихся романов мировой литературы «Война и мир» и «Анна Каренина», о которых *по отдельности*, казалось бы, уже сказано так много, если не всё, позволяет Леонтьеву вскрыть множество тончайших черт творчества классика отечественной словесности и тем самым ярко проявить свои незаурядные критические способности.

У меня нет возможности останавливаться здесь подробно на сквозных темах леонтьевского этюда: на всестороннем сопоставлении «Войны и мира» и «Анны Карениной» с великолепным анализом образов героев произведений, на степени убедительности психологических мотивировок действующих лиц и достоверности воссоздания веяния эпохи, на блестящем разборе бредовых состояний и снов, на настойчивом выявлении и осуждении недостатков романов, прежде всего «Войны и мира», да и всей современной литературы, связанных с натуральной школой (в основном критике использования грубых и приземленных стилистических оборотов). Ограничу свою задачу лишь анализом сопоставления Леонтьевым двух великих романов Толстого.

Несмотря на то, что основное внимание в критическом этюде Леонтьев уделяет доказательству чрезмерного психологизма Толстого в «Войне и мире», будто бы не соответствующего *простой* эпохе 1812 года, и обнаружению многочисленных стилистических недостатков и шероховатостей в этом романе – всё это под знаком своей

неутомимой борьбы с «Гоголевщиной» [4, с. 478], он восхищается «Войной и миром» никак не в меньшей мере, чем «Анной Карениной». Вопреки собственным суждениям он пишет: «Сравнивая их частности и отдавая, при таком подробном рассмотрении, преимущество то одному, то другому, необходимо признать, что сумма их достоинств одинакова» [3, с. 254-255].

Леонтьев признает, например, что в «Войне и мире» «задача возвышеннее и выбор благодарнее», что патриотическая заслуга романа несомненна, но тем не менее отдает преимущество «Анне Карениной», полагая, что ее автору было труднее – надо было самому выбирать в пестроте мелькающих явлений современного потока и подкрепить это избрание «долговечной мыслью».

Насколько верно изображение эпохи в «Войне и мире», по мнению автора, решить нелегко, но он, колеблясь, всё же склоняется к выводу, что изображаемые в романе герои скорее соответствуют не духу начала XIX века, а веянию эпохи 50-х годов, когда в русской литературе началось господство натуральной школы с ее «излишней физической наблюдательностью».

Леонтьев находит в «Войне и мире» множество мелких натуралистических шероховатостей во внешних приемах Толстого как питомца «гоголевского периода» в литературе, отмечает наличие их (не столь обильное) и в «Анне Карениной», но тут же признает, что у Толстого вообще подобных «претканий» несравненно *меньше*, чем у большинства других писателей.

В качестве литературных образцов Леонтьев ставит «Капитанскую дочку» Пушкина с ее «чистым, простым и кратким» «старо-дворянским рассказом» об исторических событиях, от которых «веет XVIII веком», а также бесхитростную «Семейную хронику» С.Т. Аксакова.

«Анна Каренина», по мнению Леонтьева, несравненно изящнее «Войны и мира», с чем можно и согласиться, хотя можно и поспорить. Но еще более просты и изящны для Леонтьева поздние народные рассказы Толстого («Чем люди живы», «Ангел»,

«Свечка» и другие). А вот с этим согласиться труднее. Во-первых, короткие рассказы, при всем их совершенстве, трудно сопоставимы с эпическими произведениями – это лишь художественные этюды, притчи, почти миниатюры. Во-вторых, в них слишком явно прослеживается проповедническая тенденция, характерная для позднего Толстого.

Восхищенному мнению Леонтьева о народных рассказах можно противопоставить, например, столь же категоричное в своей субъективности мнение выдающегося ученого Ф.И. Буслаева, который эмоционально обрушивается на народные рассказы Толстого, чутко уловив их тенденциозный морализм: «Гр. Толстой в течение последних годов безжалостно разменивал своё великое поэтическое дарование на грошовую мелочь азбучной морали, схоластических толкований и разных индивидуальных опытов и попыток. А эти побасенки об ангеле в подмастерьях у сапожника, о лучезарном русском мужичке в иерусалимском храме перед гробом Господним и вся эта промозглая елейность напускной тенденциозной морали? Разве это та высокая, глубоко захватывающая душу, правда жизни, которую с такой беспримерною искренностью открывал перед нами наш любимый поэт в своих превосходных романах? Это – ненамеренная, бессознательная фальшь и есть то роковое возмездие, которое карает поэта за его самоотречение» [1, с. 464]. Леонтьев в брошюре «Наши новые христиане» (1882) и сам признавал рассказ «Чем люди живы», который явно имеет в виду Буслаев в этой цитате, проявлением сентиментального или розового христианства. Однако и там Леонтьев отмечает «совершенство художественной формы» рассказа, отказывая ему, правда, в «высшей гениальности» из-за неверной трактовки христианской любви.

* * *

С высокой оценкой Леонтьевым достоинств народных рассказов можно было бы отчасти согласиться, хотя неподдельное возмущение Буслаева тоже может иметь

своих приверженцев. Но хотелось бы отметить другое: Леонтьев обнаруживает здесь пристрастие к странной для консерватора идее какого-то «прогресса» в творчестве Толстого: от тяжеловесной эпопеи «Война и мир», подпорченной «бревнами эстетического претыкания» и отражающего скорее субъективные взгляды автора, нежели правдивую картину эпохи, писатель будто бы восходит к более простой, изящной и лишенной «излишнего подглядывания» «Анне Карениной», чтобы найти полное воплощение своей эстетики в кратких, «восхитительных по изложению» [3, с. 181] и лишенных «скверных мушиных пятнышек нашего натурализма» народных рассказах.

Леонтьев, увлекшись борьбой с натурализмом, утверждает, будто Толстой оставил эпическую форму и прежний стиль потому, «что самому гениальному из наших реалистов, наскучили и опротивели многие привычные приёмы той самой школы, которой он так долго был главным представителем» [3, с. 254].

В творчестве Толстого действительно наблюдается определенное развитие, но это «развитие», осмелюсь по-леонтьевски прямо заявить, – со знаком минус. Если в «Войне и мире» Толстой близок к славянофильски-народническому (скорее почвенническому) взгляду, во многом восходящему к «Капитанской дочке» и идеям Ап. Григорьева о «смирном» и «хищном» типах, воплотившимся в образах Платона Каратаева, Пьера Безухова, да и Михаила Кутузова, как это убедительно показал Н.Н. Страхов, то в «Анне Карениной» теперь, в ретроспективе, можно заметить едва намечившиеся, но уже более очевидные, чем в «Войне и мире», черты морализма. В критическом этюде Леонтьев, сосредоточившись на эстетической проблематике, совершенно не касается проповедничества Толстого, что позволяет ему подробнейшим образом сопоставить стилистические различия двух романов. Однако, по моему мнению, сознательное сужение темы до формально-эстетических элементов идет в ущерб общим выводам. Леонтьев словно не

замечает нарастающую, от «Войны и мира» к «Анне Карениной» моралистически-проповедническую тональность художественного творчества Толстого, достигающего антихудожественного апогея в романе «Воскресение».

Создается впечатление, что Леонтьев восторгается совершенством народных рассказов Толстого не в последнюю очередь из-за их краткости и стилистической простоты. В том же духе, только наоборот, можно трактовать восхищение Леонтьева в другом месте этюда известным высказыванием Тургенева о том, что «Левушка Толстой – это слон» [3, с. 258, см. также: 5]. К сожалению, Леонтьев, восхитившись выразительным образом, не вполне раскрыл свое понимание этого яркого сопоставления Тургеневым громадного, неодолимой творческой силы и напора гения из Ясной Поляны с африканским чудищем из семейства хоботовых. Подчеркнув гигантизм личности писателя сопоставлением его огромного романа с еще более чудовищным, нарушающим все зоологические приличия ископаемым сиватериумом, огромные черепа которого хранятся в Индии, в храме бога Шивы, Леонтьев подхватывает остроумное изречение Тургенева, ассоциируя его исключительно с «исполински-причудливыми» [3, с. 415] чертами «Войны и мира»: «Или еще можно уподобить “Войну и Мир” индийскому же идолу, – и три головы или четыре лица, и шесть рук, и сосцов без счету! И размеры, и мудрость, и драгоценный материал... И выдержка общего плана; и до тяжеловесности неиссякаемые подробности; четыре героини и равноправных (в глазах автора и читателя) три героя...» [3, с. 416]. Не сразу и поймешь, чего здесь больше: восхищения объемистым и многосложным романом или его критики. Страхов же отмечает, что при всем обилии характеров, сцен, моментов человеческой жизни и душевных проявлений, автору чудесным образом удалось привести свое творение громадных размеров в гармоничное творение, охватывающее всё многообразное течение жизни.

Леонтьев в своих придирах к «шишкам и колючкам» натурализма и пристрастии к изяществу лирического идеализма в литературе (в качестве примеров такового он приводит творчество Кохановской и Марко Вовчок) словно не замечает, что как раз в «Войне и мире» Толстой достигает искомым вершин подлинного реализма, в котором найдено мерило добра и зла, возвышенного и низкого, физического и духовного, а жизнь изображается как она есть, в благородном и эпически спокойном, вечном течении, без прикрас и ощутимых уклонений в натурализм.

Соглашаясь со Страховым в том, что в огромном эпическом романе «Война и мир» всё его многосложное содержание удивительным образом гармонизировано в художественной форме, нельзя не отметить, что качество «слоновости», конечно, имеет отношение и ко всему творческому пути Толстого. Яснополянский «гигант» прислушивается, по отзывам современников, лишь к самому себе и вечно, подобно слону, упрямо прет напролом, настаивая на своем, и прокладывает собственную дорогу, несмотря на любые препятствия.

Толстой умеет быть настойчивым и убедительным, как в отстаивании своего мирозерцания, так и (особенно) в художественном творчестве. Опираясь на вечные, универсальные законы искусства, Толстой создал в «Войне и мире» совершенную, вневременную художественную иллюзию действительности, чарующе воздействующую на читателя как правда жизни вне зависимости от верности критериям достоверности описываемой эпохе. Сам Леонтьев вынужден признать, что хотя, по его мнению, «Война и мир» не столько передает веяние эпохи, сколько выражает собственные, более поздние взгляды автора, гениальный писатель *убедил* его своей разработкой характеров. Точно так же Толстой, благодаря своему непревзойденному таланту художника, убедил и весь мир, заставил всех нас поверить в достоверность героев своей эпопеи, пусть они и психологически осовременены автором.

Но Леонтьев, избрав темой этюда сопоставительный анализ «стиля и веяния» романов, словно забывает сказать и о том, о чем резко и весьма убедительно писал в своих обличительных сочинениях о «розовом христианстве». В критическом этюде ни разу не упоминается о том, что после известного религиозного поворота Толстой повел себя буквально как «слон в посудной лавке»: он решительно пошел неизведанным, собственным путем, не воспринимая чужих мнений и во имя своей новой веры круша всё подряд: прежнее собственное художественное творчество, государство, армию, церковь...

Какой же роман Толстого все-таки лучше? Леонтьев изо всех сил во имя всё той же «эстетики жизни» силится убедить читателя, что лучше «Анна Каренина», хотя сам в этом сомневается, так как ему явно нравятся *оба* романа. Нет сомнения, что его субъективному анализу вполне можно противопоставить такие же основательные аргументы в пользу романа «Война и мир», почерпнув их, например, из цикла статей Н.Н. Страхова о романе-эпопее.

Страхов очень убедительно, например, рассматривает «Войну и мир» как развитие традиции пушкинской прозы, которую Леонтьев скорее *противопоставляет* роману-эпопее. То же можно сказать и о «Семейной хронике» С.Т. Аксакова. Опираясь на выраженный в романе русский идеал «простоты, добра и правды» и на органическую критику Ап. Григорьева, Страхов создает целостный очерк этого эпического романа как развитие лучших черт отечественной литературы и высшее воплощение русского народного характера.

При этом Страхов совсем не преувеличивал, а лишь пророчески предвосхищал будущие оценки романа, когда в критическом восторге рассматривал «Войну и мир» как одно из высших достижений мировой литературы: «Какая громада и какая стройность! Ничего подобного не представляет нам ни одна литература» [7, с. 341].

В отличие от Леонтьева, находившего в романе избыток, по его мнению, психологических деталей, Страхов восхищается романом как чудом искусства, как величественной картиной, в которой все подробности заняли свое надлежащее место и выявился идейный центр произведения, его «душа», придающая роману внутреннее единство и полную жизненность.

Страхов подчеркнул, что Толстой воплотил перед нами героизм смирения, свойственный русскому народу, и показал его превосходство перед героизмом деятельным. Эти тезисы получают у критика весьма убедительное раскрытие, причем Толстой, с его предпочтением «смирных» народных типов «хищным» и пронизывающим роман патриотическим духом выглядит, как это ни странно, вполне близким к славянофильству. Страхов выявляет и подчеркивает в романе Толстого явно присутствующие там «славянофильские» черты, которые самому писателю, особенно после его духовного поворота, было если не чужды, то не совсем близки.

Леонтьев, кстати, сам напоминает нам, что первоначально был очень недоволен романом «Война и мир» за излишество психического анализа и за осовременивание истории, и только под влиянием статьи Страхова в журнале «Заря» исправил свой «односторонний взгляд» [7, с. 301] на роман. Но всё же в критическом этюде Леонтьев по-прежнему рассматривает «народнические» настроения Толстого лишь с осуждением, с точки зрения нарушения исторической правдоподобности, и подвергает критике за то, что до этих мыслей и характеров Толстой мог додуматься только *после* славянофилов, а потому их использование для характеристики героев 1812 года не вполне правомочно.

* * *

Но важнее этого, вполне верного наблюдения, то, что уже в «Анне Карениной» видно, что эти черты воззрений Толстого, привлёкшие ранее Страхова и так прекрасно им истолкованные, начинают бессознательно вытесняться в творческом

горниле писателя, пока еще незаметно, иными оттенками, скорее западнически-нигилистического толка. Никаким славянофилом Толстой, как это выявляется, например, из его бесед и переписки со Страховым периода создания «Анны Карениной», уже ни в коей мере не был. А был он, по меткому слову Фета, как и Тургенев, «западником, только на русской подкладке из ярославской овчины» [8, с. 449].

Очень показательным в этом отношении, например, почему М.Н. Катков отказался печатать в своем «Русском вестнике» пренебрежительные высказывания действующих лиц романа «Анна Каренина» и прежде всего автобиографического Лёвина о помощи русских добровольцев угнетенным братьям-славянам на Балканах. Этот характерный эпизод занимает ничтожно малое место в романе, и, если бы не протест Каткова, на него вряд ли обратили бы серьезное внимание. Со временем, однако, стало ясно, что здесь уже проявилась нарастающая нигилистическая тенденция Толстого к отрицанию патриотизма и любых войн, даже освободительных.

Не удивительно, что Леонтьев не придал значения в своем критическом этюде этому проявлению толстовского пацифизма – он и сам, как известно, очень скептически относился к панславизму и не ожидал ничего хорошего от освобождения балканских славян, кроме их приобщения к европейским либерально-эгалитарным соблазнам. Однако странно, что Леонтьев с его тонким чувством изящного не почувствовал, что по сравнению с «Войной и миром» в «Анне Карениной» нарастает *назидательность* (хотя ее проявления еще далеко не превышают критических пределов, как это случилось с романом «Воскресение»). Но на усиление моралистических тенденций указывают многие нюансы романа, в том числе и сам сюжет «Анны Карениной», в частности, смерть героини, которая представлена в романе как наказание за совершенный грех, о чем свидетельствует уже и эпиграф к роману: «Мне отмщение, и аз воздам».

Высказываю здесь эти соображения совсем не для того, чтобы как-то принизить величие «Анны Карениной». Моя цель здесь иная: показать, что «Война и мир» ни в коей мере не уступает более позднему роману в своих достоинствах, и вполне возможны и другие, столь же аргументированные оценки противопоставленных Леонтьевым друг другу гениальных произведений «великого писателя земли русской».

Вопрос о том, какой же роман Толстого лучше, помещен мною в название лишь для обозначения главной темы критического этюда, но никак не для выявления «победителя» в споре двух бесспорных шедевров мировой литературы. Ведь у каждого из нас собственное восприятие художественного произведения – и в этом состоит одна из привлекательных сторон чтения. Что же касается «Войны и мира» и «Анны Карениной», то безусловное всемирное признание этих великих романов Толстого делает индивидуальные пристрастия читателя не столь уж и важными – они бессильны поколебать их устоявшуюся репутацию. На первое место в соперничестве читателей того или другого романа выходит приводимая в споре субъективная аргументация. И Леонтьев в своем ярком и многогранном критическом этюде подметил и красочно высветил многие незамеченные нами прежде черты этих выдающихся произведений русской и мировой литературы, что и является основной задачей литературной критики.

Характерно, что уделив столько внимания раскрытию недостатков «Войны и мира» и достоинств «Анны Карениной», автор этюда и сам ближе к концу совсем забывает о соперничестве этих романов, восхищаясь достоинствами обоих и примирительно восклицает в заключительном аккорде, что ему хотелось бы написать две больших книги «об этих двух сочинениях, равноценных и тщетно оспаривающих друг у друга первенство перед судом справедливой критики... <...> Но это неосуществимая мечта... Поздно!..» [3, с. 421].

Литература

1. Буслаев, Ф.И. О литературе: Исследования; Статьи. М.: Худож. лит., 1990. 512 с.
2. Леонтьев, К.Н. Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. Т. 8. Кн. 1. СПб.: Владимир Даль, 2007. 639 с.
3. Леонтьев, К.Н. Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. Т. 9. СПб.: Владимир Даль, 2014. 974 с.
4. Леонтьев, К.Н. Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. Т. 11. Кн. 1. СПб.: Владимир Даль, 2018. 856 с.
5. Боборыкин, П.Д. Памяти Тургенева // Новости и Биржевая газета. 1883. № 144. 25 августа. С. 2.
6. Розанов, В.В. Литературные изгнанники. Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев. М.: Республика, 2001. 477 с.
7. Страхов, Н.Н. Критические статьи об И. С. Тургеневе и Л. Н. Толстом (1862–1885). СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1885. 484 с.
8. Фет, А.А. Воспоминания. М.: Правда, 1983. 492 с.

References

1. Buslayev, F. I. (1990), *O literature: issledovaniya; statyi* [On Literature: Studies and Articles], Khudozhestvennaya Literatura Publishers, Moscow (in Russian).
2. Leontiev, K. N. (2007), *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem: v 12 t. T. 8. Kn. 1.* [Complete Works and Letters: in 12 vols. Vol. 8. Book 1], Vladimir Dahl Publishers, St. Petersburg (in Russian).
3. Leontiev, K. N. (2014), *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem: v 12 t. T. 9.* [Complete Works and Letters: in 12 vols. Vol. 9], Vladimir Dahl Publishers, St. Petersburg, (in Russian).
4. Leontiev, K. N. (2018), *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem: v 12 t. T. 11. Kn. 1.* [Complete Works and Letters: in 12 vols. Vol. 11. Book 1], Vladimir Dahl Publishers, St. Petersburg, Russia (in Russian).
5. Boborykin, P. D. “Pamiati Turgeneva” [To the Memory of Turgenev], *Novosti I Birzhevaya gazeta* (1883) [News and Stock-Exchange Newspaper], 144, August 25, 2, St. Petersburg (in Russian).
6. Rozanov, V. V. (2001), *Literaturniye izgnanniki. N.N. Strakhov. K.N. Leontiev* [Literary Exiles. N. N. Strakhov. K. N. Leontyev], Republic Publishers, Moscow (in Russian).

7. Strakhov, N. N. (1885), *Kriticheskiye statyi ob I. S. Turgeneye i L. N. Tolstom (1862-1885)* [Critical Articles about I. S. Turgenev and L. N. Tolstoy (1862-1885)], Tipografiya bratyev Panteleyevykh, St. Petersburg (in Russian).

8. Fet, A. A. (1983), *Vospominaniya* [Memories], Pravda Publishers, Moscow (in Russian).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для декларации.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Фатеев Валерий Александрович, кандидат филологических наук, историк литературы, переводчик, Санкт-Петербург, Россия; vfateyev@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR:

Valery A. Fateyev, Candidate of Philology, Historian of Literature, Translator, St. Petersburg, Russia; vfateyev@gmail.com